

КОНСЕРВАТИЗМ И ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В США В ГОДЫ «ПРОСПЕРИТИ»

В. А. Никитин

Поставленная проблема еще не была предметом специального исследования в нашей литературе. Однако в общих трудах и статьях по истории США уже высказана определенная точка зрения на этот счет. Суть ее коротко сводится к следующему: в 20-х годах стоявшие у власти консервативные республиканцы в своей политике руководствовались идеологией «грубого» или «твердого индивидуализма», что привело к свертыванию государственного вмешательства в экономическую жизнь общества, отказу от правительственного регулирования экономики и ослаблению государственно-монополистических тенденций¹. В качестве самого веского аргумента в пользу такого утверждения приводятся известные факты о демонтаже военного механизма государственно-монополистического регулирования.

В буржуазной литературе нет однозначной оценки политического курса США 20-х годов. Среди либеральных историков преобладает мнение, что это было время безраздельного господства доктрины невмешательства, ставшей руководящим принципом деятельности республиканцев. Либеральная пресса, отражавшая политические симпатии демократов, содействовала широкой популяризации подобных представлений. Наиболее колоритную фигуру тех лет среди республиканцев — Г. Гувера многие из лагеря демократов считали «апостолом экономического индивидуализма».

Такой оценке отчасти содействовали и сами республиканцы. В начале 20-х годов Гувер выступил с небольшой книжкой². В ней он попытался сформулировать принципы, которые должны были спасти Америку от духа коллективизма и радикализма, «заразившего», по его словам, европейские страны. Такие принципы, выражавшие, как он считал, суть политической системы в США и душу американского характера, заключались в американском индивидуализме. Книжка Гувера, как и его последующие выступления, была ответом политическим оппонентам, требовавшим передачи государству электростанций, шахт и железных дорог. Государственное руководство бизнесом, утверждал он, приведет к росту злоупотреблений и коррупции, подавит инициативу, подорвет умственную и духовную энергию народа, иссушит дух свободы и прогресса³.

¹ Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США. М., 1980, с. 33, 56, 57, 116, 215, 298; Сивачев Н. В. США. Государство и рабочий класс. М., 1982, с. 117, 189, 193, 194, 287.

² Hoover H. American Individualism. N. Y., 1922.

³ Hoover H. Rugged Individualism.— In: Political Thought in America/Ed. by A. M. Scott. N. Y., 1959, p. 559—560.

Вспомнивая военные годы, когда американцы, «побуждаемые неизбежностью обстоятельств», обратились к правительству для разрешения вставших перед страной проблем, Гувер писал, что республиканцы с приходом к власти отказались от практики военных лет и восстановили правительство в его позиции посредника, а не участника экономической игры⁴.

Что означают эти слова? Может быть, и в самом деле Гувер — апостол экономического индивидуализма? Отнюдь нет. В своей работе он отвергает лишь государственную собственность на электростанции, рудники и железные дороги, но выступает за ограничение деятельности частных корпораций через государственный контроль и регулирование. «В нашем индивидуализме, — говорил он, — мы отказались от *laissez faire* XVIII в. с его принципом „каждый человек за себя и к черту неудачники“». Гувер доходит даже до утверждения: «Частная собственность не является фетишем в Америке». «Сегодня, — продолжал он, — бизнес быстро движется в сторону кооперации. В ней великая надежда, что мы сможем обеспечить равенство возможностей и расширить сферу индивидуальной инициативы и одновременно избавиться от огромных непроизводительных издержек конкуренции в производстве и распределении». «Не надо этого бояться», — подчеркивал он. Читаем далее: «Величайшей проверкой прочности нашей социальной системы должна быть ее способность принять изменения в администрации, которые позволяют использовать новые средства и исключить пагубные явления, сопутствующие этим изменениям». И наконец: мы должны стремиться обуздать силы бизнеса, уничтожающие равенство возможностей, «и поддерживать инициативу и творческие способности нашего народа»⁵.

Где же здесь, спрашивается, «твердый индивидуализм», приписываемый Гуверу его политическими оппонентами — демократами? Но следует отметить, что в годы «прсперити» между республиканцами и демократами не было каких-либо существенных различий по вопросу государственного регулирования. Положение решительным образом изменилось только в годы экономического кризиса. Наступил звездный час демократов. То, что так настойчиво пропагандировал Гувер, — американский индивидуализм, — теперь с огромным эффектом использовалось против него лично и против всей республиканской партии. Политическому курсу правительства приписывалась в качестве главной, руководящей линии архаичная политика, отождествлявшаяся с *laissez faire*. В эти годы был создан весьма непривлекательный образ Гувера — безнадёжного ретрограда, мыслящего вневременными категориями. Над этим основательно потрудились либеральная пресса и позднейшее поколение либеральных историков.

Не все, однако, в то время и позднее разделяли эту точку зрения. Можно назвать ряд американских авторов, которые были далеки от отождествления внутриполитического курса республиканцев

⁴ Ibid., p. 559.

⁵ Hoover H. American Individualism, p. 8, 10, 18, 37, 44, 46, 54.

20-х годов с «твердым индивидуализмом». Э. М. Скотт, составивший антологию политической мысли в США и давший к ней свой развернутый комментарий, называет индивидуализм Гувера «прогрессивным и социально ответственным»⁶. Не будем здесь вдаваться в рассуждения об уместности использования слова «прогрессивный» для характеристики консервативной позиции Гувера, но вместе с тем следует признать, что эта оценка решительно расходится в целом с трактовкой политического курса Гувера, данной его противниками из демократического лагеря.

Гувер как министр торговли и как президент, отмечал другой американский автор, неустанно продвигал идею правительственного вмешательства в сферу экономики в интересах бизнеса. Он называл Гувера провозвестником новой эры национального действия, в котором федеральное правительство образует альянс с ведущими промышленными ассоциациями и монополиями⁷.

В отличие от Маккинли, который был дружественно настроен в отношении бизнеса, но ограничивал свои действия созданием для него благоприятных условий, Гувер шел дальше и активно помогал правящему классу, утверждал Д. Шеннон⁸. Герберт Стейн, многие годы тесно связанный с финансовыми кругами страны, свидетельствовал об активной позиции Гувера в отношении деловых кругов и считал его сторонником планирования. Сказано, конечно, слишком сильно, но такое мнение о нем действительно сложилось, и именно поэтому консервативные республиканцы в сенате возражали против его назначения на пост министра торговли в 1921 г.⁹ Явные противоречия между конкретными политическими решениями Гувера и тем негативным представлением, которое сложилось о нем в годы депрессии, отмечал Г. Д. Бест¹⁰. Некоторые историки, говорит он, неверно отождествляют «американский индивидуализм» Гувера с «твердым индивидуализмом». Выступая за индивидуализм, он проповедовал ассоциированные действия, в которых видел ключ к разрешению вставших перед страной проблем. Причем в этих кооперированных действиях государству отводилась стимулирующая и координирующая роль¹¹.

Как отнестись нам к противоречивым оценкам американских авторов? Речь идет об оценке политического курса правящих кругов ведущей империалистической державы мира. Правильно ли отождествлять этот курс с идеологией «твердого индивидуализма», т. е., если быть до конца последовательным, изображать правительство США пассивным наблюдателем спонтанного, ничем не управляемого социального и экономического процесса в американском обществе?

⁶ Political Thought in America, p. 553.

⁷ Goldman E. F. Rendezvous with Destiny: A History of Modern American Reform. N. Y., 1960, p. 237, 238, 239.

⁸ Shannon D. A. Between the Wars: America, 1919–1941. Boston, 1965, p. 127, 40.

⁹ Stein H. The Fiscal Revolution in America. Chicago; London, 1969, p. 7.

¹⁰ Best G. D. The Politics of American Individualism. Herbert Hoover in Transition, 1918–1921. Westport; London, 1975, p. V–VI.

¹¹ Ibid., p. 93–94.

Изучение политики правительств США 20-х годов дает на это отрицательный ответ.

Если же говорить о пропаганде идей буржуазного индивидуализма, то они в эти годы действительно получили самое широкое распространение и содействовали привлечению на сторону республиканцев представителей многочисленных «средних слоев». Имитация под индивидуализм или даже под «твердый индивидуализм» помогала правящим кругам прикрывать теснейшие связи правительства с ведущими группами американского капитала.

Исторически наиболее ранней и вместе с тем наиболее важной чертой ГМК, отмеченной В. И. Лениным, было сращивание всемогущества капитала с всемогуществом государства в один механизм. Прекрасной иллюстрацией этого ленинского положения были взаимоотношения правительства и бизнеса в 20-х годах.

Как уже отмечалось в нашей литературе, элементы ГМК развивались с того самого момента, как возникла монополия. Однако на различных этапах государственно-монополистическое регулирование приобретало различную форму, что обуславливалось конкретной расстановкой политических сил и общими условиями развития капитализма. В чрезвычайных обстоятельствах войны и кризиса государство брало на себя роль непосредственного организатора и руководителя производства и распределения. В мирное время, каким были 20-е годы, этот механизм не годился и на смену ему пришли другие средства, которые позволили с наибольшей полнотой использовать потенциальные возможности капиталистической экономики.

Государственное регулирование, таким образом, предполагает не только правительственный контроль над экономикой, как это было в годы мировой войны, не только определенные ограничения, накладываемые государством на бизнес, не только демократические реформы, проводимые правительством нередко в ущерб интересам правящего класса, но и сотрудничество правительства и крупного капитала, помощь правящему классу в виде государственных субсидий, налоговых льгот, тарифных ограничений импорта, содействие развитию различных средств связи и расширению емкости внутреннего рынка, открытие целых стран и континентов в качестве внешних рынков и сфер вложения капитала, т. е. все те методы и средства, которые использовали консервативные правительства 20-х годов и которые в своей сущности означали соединение «гигантской силы капитализма с гигантской силой государства»¹².

Цель данной статьи — дать обобщенную характеристику наиболее характерных черт консерватизма как политической идеологии правящего класса в XX в., проследить, как соотносились консервативные воззрения и консервативная практика с доктриной невмешательства, раскрыть основные формы государственно-монополистического регулирования, осуществляемого в 20-х годах республиканцами.

Исходный момент формирования современного консерватизма

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 83.

как политического течения внутри правящего класса, выступавшего под лозунгами «свободного предпринимательства», относится к концу XIX — началу XX в. По основным своим характеристикам он не имел аналога в предшествующей истории США и не представлял собой в теории строго очерченную политическую доктрину. В нем переплетались и взаимодействовали элементы самых различных направлений буржуазной мысли XVIII—XIX вв.

У родоначальников американского консерватизма Г. Гамильтона и Дж. Адамса была воспринята идея помощи правительства промышленному развитию, но отвергнута идея государственного контроля за действиями предпринимателей. Из классического либерализма, вобравшего в себя взгляды А. Смита и Д. Рикардо, была позаимствована и по-своему интерпретирована мысль о правительственном невмешательстве в дела бизнеса. Правительственное вмешательство как помощь бизнесу приветствовалось, правительственное вмешательство как контроль над бизнесом и ограничение его деятельности — отвергалось. В практической политике отбрасывались и идеи о демократии и свободомыслии, органично связанные с принципами невмешательства. Сопrotивление социальному реформаторству и другим формам нежелательного для крупного капитала государственного вмешательства — вот то, в чем консерватизм оказался до конца верным *laissez faire*.

Такая односторонняя трактовка этой доктрины содействовала утверждению в общественном сознании своекорыстия и эгоизма, стимулировала приобретательские инстинкты, с одной стороны, и вела к усилению политической реакции в отношении растущей оппозиции засилью крупного капитала — с другой. Демократия с последних десятилетий XIX в. стала приравняться к экономической свободе и правам собственности. Культ ничем и никем не ограниченной частной собственности стал сердцевинной консервативной идеологии, которая вслед за Дж. Локком относила ее к естественным и неотчуждаемым правам человека, данным ему от рождения. Гамильтоновская концепция помощи бизнесу, оплодотворенная теорией Локка, дала начало формированию взглядов, служащих оправданием и укреплению позиций крупных корпораций.

Вместе с тем монополии в демагогических целях продолжали широко эксплуатировать доктрину невмешательства в дела бизнеса, создавая тем самым благоприятные условия для подавления своих более слабых конкурентов.

Учение о неотчуждаемости прав собственности тесно переплеталось с постулатами пуританско-кальвинистского толка о «предопределении» и «избранности», согласно которым обладание богатством и успешная предпринимательская деятельность сами по себе были свидетельством «угодности» человека богу. Другая сторона кальвинистского учения — о «первородном грехе» человечества — стала излюбленным средством борьбы консерваторов против социальных реформ и неугодного капиталу правительственного вмешательства в социально-экономическую жизнь.

Значительное влияние на формирование консервативных доктрин

и на предпринимательскую практику оказала теория социальной эволюции о выживании сильнейших и достойнейших, созданная английским социологом Г. Спенсером и развитая в США У. Г. Самнером. Спенсеровское понимание общественного прогресса, как справедливо отмечал Д. Флеминг, совпадало с общим духом американского капиталистического развития, с экспансией на новые территории и вытеснением коренных жителей — индейцев. Оно также было дополнением к этике консервативных протестантских церквей. Кальвинистское учение о «предопределении» с его культом наживы и «избранности» логически сочеталось с призывами Спенсера к «улучшению человеческой породы». Естественный отбор находил свой аналог в принципах *laissez faire*, а выживание наиболее сильных и приспособленных демонстрировалось ростом гигантских корпораций¹³. Дж. Д. Рокфеллер, Дж. П. Морган, Э. Карнеги и другие промышленные и финансовые тузы Америки нашли в социал-дарвинизме готовое «научное» обоснование своей грабительской антинародной практики.

У консерватизма как идеологии не было единого или группового авторства, связанного с какой-либо одной школой. Его формирование было стихийным и в конечном счете обуславливалось предпринимательской практикой. А эта практика ставила перед формирующейся идеологией двуетадийную задачу: выражать коренные интересы правящего класса и вместе с тем служить пропагандистским обоснованием справедливости и разумности существующей системы, согласующейся с изначальной природой человека. Консервативная идеология развивалась, уточнялась, корректировалась на бесчисленных съездах предпринимательских объединений, в буржуазной прессе, в печатных изданиях деловых кругов.

Требованиям капитала прежде всего отвечала таможенная политика правительства, которое под давлением деловых кругов учредило после войны постоянную комиссию по тарифам. Чрезвычайный тариф 1921 г. и тариф Фордни—Маккамбера 1922 г. оказались в ряде случаев почти запретительными. По закону 1922 г. президенту США предоставлялось право в зависимости от складывавшейся ситуации повышать или понижать ввозные пошлины до 50%¹⁴. Гардинг и Кулидж использовали эти полномочия и внесли 37 изменений, 32 из которых привели к росту тарифов¹⁵.

В интересах монополий проводилась и налоговая политика федерального правительства. Начиная с 1921 г. оно осуществило 5 налоговых сокращений, принесших монополиям многомиллионные выгоды. Благодаря разного рода оговоркам такие финансовые магнаты, как Морган и его партнеры, в отдельные годы вообще ничего не платили. Федеральные доходы от налогов в 1920—1925 гг. сократились с 5,7 млрд. до 3 млрд. долл. Однако вопреки этой тенденции в целом по стране с учетом роста налогов в штатах, муниципа-

¹³ Fleming D. Social Darwinism.— In: *Paths of American Thought*/Ed. by A. M. Schlesinger, Jr., M. White. Boston, 1963, p. 126, 127.

¹⁴ Shannon D. A. Op. cit., p. 36, 37.

¹⁵ Faulkner H. U. American Political and Social History. N. Y., 1944, p. 630.

литетах и округах налоговый пресс в 1922—1930 гг. возрос с 7,6 до 10,3 млрд., или с 68,9 долл. до 83,71 долл. на душу населения¹⁶. Соответственно возросли и общие расходы.

После мировой войны правящие круги осуществляли курс на дальнейшую концентрацию производства. Отступлением от практики прежних лет был закон Уэбба—Померини, принятый еще в 1918 г., освободивший от преследований за монополистическую практику экспортные объединения. Акт Эйджа выводил из-под антитрестовских законов банковское дело¹⁷.

Политика потворствования монополиям проявилась и в законе 1920 г. о железных дорогах. Они не только были возвращены их бывшим владельцам, но и получили правительственную санкцию на укрупнение. Закон гарантировал корпорациям получение устойчивой прибыли, для чего были значительно повышены тарифные ставки и вводился минимальный уровень тарифов. Торговая палата США охарактеризовала эти меры как «конструктивные и здравые»¹⁸.

Известный вклад в реабилитацию крупного бизнеса в глазах общества внес и Верховный суд США. В 1920 г. он аннулировал дело о роспуске «Стального треста», начатое еще в довоенные годы. Третируемая и обвиняемая в прошлом во враждебности к обществу, крупная корпорация благодаря официальным кругам становилась не просто желательной, но и чрезвычайно полезной для страны в целом.

Хотя министерство юстиции при Гардинге и Кулидже возбудило несколько больше дел против трестов, чем правительство Вильсона, однако только некоторые из них имели отношение к крупным корпорациям. Согласно исследованиям, проведенным в 1932 г., подтверждение антитрестовских законов было эффективным только в отношении сравнительно мелких фирм¹⁹. Самой крупной компанией, подвергшейся преследованиям правительства, была «Нэшнл кэш реджистер К^о». За нарушение законов против трестов один из ее руководителей был оштрафован судом на 2 тыс. долл. Верховный суд сократил штраф до 50 долл., а Белый дом аннулировал и этот чисто символический приговор²⁰. Основная масса дел, начатая против второстепенных компаний, разрешалась путем негласных встреч юристов корпораций и чиновников министерства юстиции и не влекла за собой каких-либо наказаний.

Несмотря на заявления о возвращении к политике невмешательства, раздававшиеся порой из Белого дома, правительства республиканцев не проявили себя приверженцами *laissez faire*. Придя к власти, они не распустили ни одной из регулирующих бизнес комиссий, созданных до войны, но, заполнив их людьми, сочувствовавшими корпорациям, превратили эти комиссии в защитников про-

¹⁶ Soule G. Prosperity Decade. From War to Depression: 1917—1929. N. Y., 1947, p. 132.

¹⁷ Nation's Business, 1927, May, p. 126; Shannon D. A. Op. cit., p. 21.

¹⁸ US Chamber of Commerce. Twelfth Annual Meeting. Wash., 1924, p. 125.

¹⁹ Roche J. P., Levy L. W. Parties and Pressure Groups. N. Y., 1964, p. 117.

²⁰ Shannon D. A. Op. cit., p. 43.

мысленников и торговцев. Так, в тарифную комиссию по инициативе Гардинга был введен Мервин, членом федеральной торговой комиссии был В. У. Ван Флит, друг верного стража интересов бизнеса сенатора Д. Э. Уотсона, обвинявшего в свое время Вильсона в том, что он якобы заполнил ФТК анархистами и мятежниками. В эту же комиссию в 1925 г. ввели стойкого приверженца корпораций У. Э. Хэмфри, который однажды не без основания отметил, что правительственные комиссии из «угнетателей индустрии превратились в ее опору»²¹.

Совсем неудивительно поэтому, что с приходом к власти республиканцев тенденция к дальнейшей концентрации делового контроля получила новый мощный импульс. В 1923 г. число предприятий с количеством рабочих более 250 составляло менее 4%, но на них работали свыше половины всех рабочих. В 1919—1928 гг. в обрабатывающей и добывающей промышленности исчезли 6 тыс. предприятий и произошло свыше 1200 слияний²². По образному выражению журнала «Нейшн», супертресты появлялись как сыпь²³. Значительно сократилось число банков — до 5 тыс., а концентрация капитала в самых крупных из них стала большей, чем во времена, когда расследованиями комбинаций в сфере финансов занималась комиссия Пьюжо²⁴. Огромное распространение в торговле получила новая форма концентрации — сеть розничных магазинов, принадлежащих одной фирме.

Наиболее распространенной и эффективной формой концентрации капитала были компании-держатели. Из 97 самых крупных монополий в 1929 г. такими были 93²⁵. Самую значительную роль держательские компании играли в коммунальном хозяйстве. Здесь в 1919—1928 гг. было поглощено свыше 4 тыс. предприятий. Монополизация в сфере коммунальных услуг была наиболее высокой: 10 холдинг-компаний контролировали 3/4 поставок электроэнергии, на долю независимых корпораций приходилось всего 12%, 16 компаний обеспечивали 45% потребности в газе²⁶.

Самой фантастической из них была империя С. Инсулла (Чикаго), поднявшаяся в 20-х годах на дрожжах покровительственной политики республиканцев. Его компания представляла гигантскую пирамиду, опиравшуюся более чем на 6 тыс. электростанций и газовых компаний, которые поставляли электроэнергию и газ в 32 штата страны. Сам Инсулл был членом совета директоров 85 компаний, председателем совета директоров — 65, президентом — 11

²¹ *Goldman E. F. Op. cit., p. 237.* «Угнетателями» промышленников комиссии, конечно, не были, но контроль за их действиями они осуществляли. И этим бизнес был весьма недоволен.

²² *Recent Social Trends in the United States. Report of the President's Research Committee on Social Trends: Vol. 1, 2. N. Y.; L., 1933, vol. 1, p. 239, 241.*

²³ *Nation, 1926, Febr. 24, p. 194.*

²⁴ *Shannon D. A. Op. cit., p. 45.*

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *Recent Social Trends..., vol. 1, p. 247.*

компаний. Обладая капиталом в 100 млн. долл., он контролировал капитал в 4 млрд., принадлежавший 600 тыс. акционеров²⁷.

Значительное распространение держательские компании получили в железнодорожном транспорте. В 20-х годах они охватывали 20% протяженности стальных магистралей. Помимо старых компаний, контролировавшихся капиталами Моргана и Рокфеллера, в 20-х годах появилась новая самая крупная комбинация, включавшая 5 железнодорожных направлений от Среднего Запада до Калифорнии и принадлежавшая братьям Ван Шверинген (Кливленд). В 1929 г. они создали «Алигени корпорейшен» с активом в 180 млн. долл. и контролировали более 3 млрд. капиталов²⁸.

К 20-м годам относится возникновение крупных держательских компаний главы «Нейшн сити бэнк» Ч. Э. Митчелла в штате Нью-Йорк, А. Креутера, «спичечного короля», и финансовой империи А. П. Джанини на западном побережье. К концу десятилетия Джанини создал реальную угрозу влиянию Уолл-стрита даже в тех сферах, которые считались его вотчиной.

Крупнейшей в мире компанией в системе связи была «Америкен телефоун энд телеграф К°», акционерный капитал которой в 1924 г. равнялся 1 млрд. долл. В сфере сталелитейного производства господствовал «Стальной трест», контролировавший примерно 60% капиталов всей отрасли. Одну треть всех автомобилей в США производили заводы Форда. Крупнейшим производителем и поставщиком нефти и нефтепродуктов оставался трест Рокфеллера. После его роспуска в 1911 г. рыночная стоимость основного капитала «распущенного» треста возросла в 35 раз и достигла колоссальной суммы — 3276 млн. долл. В 20-х годах с точки зрения правительства процветание этих и многих других гигантов индустрии и финансов само по себе уже было свидетельством законности их существования. Общая тенденция к росту крупных корпораций, писала А. Роучестер, была более ярко выражена в первое послевоенное десятилетие, чем в 1904—1914 гг. или в годы мировой войны²⁹.

Опорой правительственной политики были и промышленные объединения, самыми значительными из которых были Национальная ассоциация промышленников (НАП) и Торговая палата США. НАП представляла собой мощную политическую организацию, стоявшую в центре антидемократического похода правящих кругов. На съезде в Новом Орлеане в 1903 г. ее руководство приняло агрессивную антирабочую платформу — «Декларацию принципов», сделавшую НАП главным застрельщиком борьбы с профсоюзами. На съезде 1926 г. она еще более ужесточила свою антипрофсоюзную позицию³⁰.

²⁷ Literary Digest, 1932, Oct. 15, p. 12.

²⁸ Josephson M. The Money Lords: The Great Finance Capitalists, 1925—1950. N. Y., 1972, p. 26, 67.

²⁹ Rochester A. Rulers of America. A Study of Finance Capital. N. Y., 1936, p. 20.

³⁰ Proceedings of the 31 Annual Convention of the National Association of Manufacturers... N. Y., 1926, p. 108.

НАП занимала особое место среди промышленных объединений. В отличие от отраслевых ассоциаций, уделявших много энергии решению сугубо специфических проблем конкретной отрасли производства, она посвятила свои силы борьбе за проведение выгодного предпринимателям законодательства и блокированию в конгрессе и легислатурах штатов всех мер, противоречивших интересам бизнеса. Политику НАП формулировала небольшая группа крупнейших промышленных концернов. В соответствии с уставом кворум на съездах ассоциации обеспечивался присутствием 5% ее членов, представленных лично или доверенными лицами. Это облегчало совету директоров проведение через съезд нужных ему решений.

С 1918 по 1921 г. НАП почти вдвое увеличила свои ряды. К середине 20-х годов вместе со своими филиалами (Национальным промышленным советом и Советом национальной промышленной конференции) она объединяла более 100 тыс. промышленников, на предприятиях которых было занято от 6 до 7 млн. рабочих и производилось около 80% промышленных товаров. Самое большое представительство в НАП имели предприниматели восточных и средне-западных штатов³¹.

Интересы не только промышленников, но и всех бизнесменов в целом представляла Торговая палата США. Созданная в 1912 г. по инициативе президента Тафта, она в 20-х годах стала самой массовой и влиятельной организацией деловых кругов. С 1922 по 1929 г. число членов-ассоциаций в ней возросло с 1349 до 1587, они соответственно охватывали 755 тыс. и 913,5 тыс. корпораций и фирм. Подавляющую часть членов составляли мелкие предприятия, и только 6% относились к средним и крупным корпорациям³². Наибольшим влиянием палата располагала в западных штатах страны.

Руководство Торговой палаты приветствовало «возрастающую взаимозависимость между правительством и индустрией в США». Президент палаты Ю. Х. Барнс подчеркивал, что промышленники оказывают все большее доверие кредитам, с помощью которых правительство энергично и непосредственно оказывает воздействие на бизнес. Мы активно сотрудничаем с министерством торговли, говорил он, и пользуемся его благосклонным вниманием³³.

Вместе с тем в документах Торговой палаты и НАП можно нередко встретить протесты против правительственного вмешательства в дела бизнеса. Так в «Платформе американской индустрии», составленной НАП к избирательной кампании 1924 г., указывалось, что «функции правительства США — политические, а не экономические», и что «чрезмерное регулирование оказывает пагубное влияние на частную инициативу»³⁴.

³¹ American Industries, 1924, July, p. 8; Taylor A. G. Labor Politics of the National Association of Manufacturers. Urbana, 1928, p. 17, 34.

³² US Chamber of Commerce. Twelfth Annual Meeting, p. 13; Thirteenth Annual Meeting. Wash., 1925, p. 6; Seventeenth Annual Meeting. Wash., 1929, p. 49.

³³ US Chamber of Commerce. Twelfth Annual Meeting, p. 8, 19.

³⁴ American Industries, 1924, July, p. 5.

В действительности же под «чрезмерным регулированием» подразумевался протест против социальных реформ и других нежелательных для капитала форм вторжения в его дела. Но сказать открыто об этом лидеры делового мира не всегда решались. Вот и приходилось Торговой палате и НАП выступать с общими заявлениями о «пагубности» государственного регулирования. Однако это не мешало, например, НАП в той же платформе призывать к «развитию и поощрению внешней торговли», к «расширению строительства торгового флота, находящегося в частных руках»³⁵. Развитию и созданию кем? Поощрению со стороны кого? Разумеется, государством и со стороны государства. Республиканцы в платформе 1924 г. конкретизировали требования НАП и изложили их в такой форме: создание торгового флота США с помощью правительства и передача его в частные руки. Это было как раз то, что хотела сказать НАП.

После окончания мировой войны правящий класс развернул борьбу за создание государственной системы управления, которая с максимальной полнотой отражала бы его интересы. Он стремился «обогащить» практику административного руководства знаниями и опытом преуспевающих людей, сделать консервативный образ мышления единственным побудительным мотивом действия правительства. Вместе с тем, используя прерогативы государства, он хотел искоренить не только радикализм, но и реформизм, навязать всему народу свою идеологию. Его девизом было: «Меньше правительства в бизнесе и больше бизнеса в правительстве».

Под предлогом борьбы за эффективность в экономике и управлении правящий класс потребовал решительно сократить федеральные расходы, гигантски возросшие в годы войны. Одной из первых мер, действовавших в этом направлении, было учреждение федеральной бюджетной системы. Цель состояла в создании экономного аппарата управления, руководствовавшегося расчетливыми и эффективными методами ведения хозяйства преуспевающего бизнеса. На съезде в мае 1919 г. Торговая палата США приняла резолюцию, в которой говорилось, что национальный бюджет должен стать средством введения методов бизнеса в финансовые дела правительства. В резолюции, принятой Советом национальной промышленной конференции в это же время, подчеркивалось значение «планирования и эффективного контроля» за деятельностью правительства и его расходами³⁶.

Бюджетная реформа осуществлялась в условиях тесного сотрудничества правительства, конгресса и капитала. Независимо от субъективных намерений ее творцов реформа значительно расширила сферу президентской власти, увеличила его административный аппарат и расходы на его содержание.

В годы мировой войны и последующее десятилетие процесс административной перестройки и введения бюджетной системы охва-

³⁵ Ibid., p. 7.

³⁶ National Budget System. Hearings before the Select Committee on the Budget of the House of Representatives... Wash., 1919, p. 178, 588.

тил все штаты и органы местного самоуправления. Реорганизация и унификация аппарата управления в штатах, сведение к минимуму числа различных комиссий и бюро, повсеместное введение бюджетной системы привели в конце 20-х годов к утверждению новых форм административной деятельности, повысили роль высшей исполнительной власти в лице губернатора. В целом административная система на всех уровнях власти быстро развивалась в сторону интеграции и отвечала требованиям монополий и организованного бизнеса. «Наши административные перемены,— отмечалось в одном официальном исследовании,— взяты из практики американского бизнеса»³⁷.

Если деловой мир пытался формулировать концепцию государственного управления по образу и подобию своего мышления, то федеральное правительство в свою очередь пыталось не менее энергично воздействовать на бизнес. Залогом и «инструментом» процветания для правительства была крупная корпорация. Оно немало потрудились над тем, чтобы поднять престиж корпорации как главной формы организации промышленности, возвеличить «экономический гений» предпринимателей.

Подлинным вдохновителем такой политики в отношении крупного бизнеса был министр торговли в кабинетах Гардинга и Кулиджа Г. Гувер, которого по праву называли «помощником президента по делам бизнеса»³⁸. Для экономической политики Гувера были характерны два ключевых момента: опора на крупную корпорацию как ведущую форму частного предпринимательства и создание во всех отраслях промышленности и всех регионах страны промышленных и торговых ассоциаций, позволявших координировать деятельность независимых предпринимателей и торговцев в масштабах целых отраслей промышленности и регионов. Все это, по мысли Гувера, должно упорядочить свободную конкуренцию, которая, как он считал, была «слишком разрушительной». Сохранение нерегулируемой конкуренции означало, по его словам, «баснословное увеличение расходов», дублирование, рост управленческого аппарата и в конечном счете неэффективность производства. Поэтому правительство, разъяснял он, стало отходить от строгого следования букве антитрестовского законодательства и поощрять региональные монополии, которые при активном содействии правительства ограничивали «дикую разрушительную конкуренцию» и создавали, как он считал, условия для развития «конструктивной конкуренции», ассоциировавшейся с деятельностью организованного капитала³⁹.

Система мер, которая в 20-х годах настойчиво внедрялась в практику бизнеса министром торговли Гувером, была не чем иным, как правительственным вмешательством в экономику в интересах бизнеса. Однако сам Гувер предпочитал говорить о «дружественной помощи» правительства бизнесу с целью повышения его эффективности. В ряде своих выступлений он развивал идею о

³⁷ Recent Social Trends..., vol. 2, p. 1392.

³⁸ Shannon D. A. Op. cit., p. 38.

³⁹ Nation's Business, 1926, June 5, p. 12.

том, что бизнес своими коллективными усилиями и при активной помощи правительства может исключить потери, неизбежные в условиях неограниченной конкуренции⁴⁰.

Решить все эти проблемы в одиночку каждый предприниматель не мог. Быстрый рост промышленности, возникновение новых отраслей производства, развитие различных систем транспортных связей, общее усложнение хозяйственной жизни ставили проблему координированных действий во всех сферах экономической жизни. Ключ к решению этих вопросов Гувер видел в кооперированных действиях бизнеса и правительства.

В течение 20-х годов министерство торговли развернуло большую работу по созданию промышленных и торговых ассоциаций. Оно регулярно созывало конференции бизнесменов, убеждая их в преимуществах коллективного действия, конкретно разъясняя, как надо создавать промышленные ассоциации и что они должны делать⁴¹. В результате в США в эти годы появились сотни новых промышленных объединений, а общая численность только национальных организаций достигла по различным данным от 1 тыс. до 1,8 тыс.

Идея кооперации конкурирующих фирм в рамках ассоциации в целях раздела рынков или достижения согласия о единых ценах не гармонировала с моделью капитализма *laissez faire*, вместе с тем она вступала в противоречие с антитрестовским законодательством. Гувера это не смущало. Свою точку зрения по этому вопросу он сформулировал кратко: «Бизнес правительства США — помочь бизнесу рационализировать себя»⁴². Крупные промышленные корпорации и предпринимательские объединения должны были стать главным инструментом такой рационализации. Кампания по совершенствованию производства способствовала повышению эффективности американской экономики. «Но Гувер был бы последним, кто признал, что идет расширение государственного вмешательства в хозяйственную жизнь»⁴³.

В письме министру юстиции от 3 февраля 1922 г. Гувер отстаивал право промышленных ассоциаций на действия, которые министерство юстиции пресекало по антитрестовским законам⁴⁴. Несколько позднее Верховный суд США также отказался от негативной практики прежних лет в отношении ассоциаций и в 1925 г. признал за ними право публиковать информацию о ценах, если они не ставили целью унификацию цен. Оговорка эта легко обходилась, и ассоциации фактически осуществляли контроль над ценами. На съезде Торговой палаты США в Кливленде в 1924 г. Гувер утверждал, что страна переживает «новую эру в организации промышленности и торговли», что бизнес США «стоит на пороге трансформации всей... экономической жизни», суть которой, по его

⁴⁰ Congressional Record, 1930, vol. 72, pt 3, p. 2382.

⁴¹ Shannon D. A. Op. cit., p. 42.

⁴² Ibid., p. 39.

⁴³ Зубок Л. И., Яковлев Н. И. Новейшая история США. М., 1972, с. 49.

⁴⁴ Jones F. D. Trade Association Activities and Law. N. Y., 1922, p. 324.

словам, заключалась в переходе от крайне индивидуалистических действий к ассоциированным действиям⁴⁵.

Программа рационализации производства, с которой выступил Гувер, предполагала решение обширных технических, экономических и административных проблем силами организованного капитала и правительства. Ее составным элементом, помимо ограничения конкуренции, порождавшей экономические кризисы и безработицу, было обеспечение бизнеса разнообразной и точной экономической информацией. Если бы индустрия, считал он, располагала детальной статистикой по всем необходимым показателям, то страна избежала бы громадных потерь от кризиса 1920—1921 гг. Бумы не нужны предпринимателю, наставлял Гувер, ему нужна стабильность. Лучшим средством борьбы с «перегревом» экономики, по его мнению, была точная информация о движении капиталов, кредитов, о тенденциях в производстве и потреблении⁴⁶.

Огромную работу в этом направлении проделало министерство торговли и особенно его Бюро внутренней и внешней торговли. Созданное в 1912 г. с аппаратом в 89 человек, бюро к 1929 г. превратилось в важнейшее подразделение министерства со штатом в 1700 человек. Бюро имело статистику по ценам и объемам производства по городам и регионам страны и через свои отделения в штатах доводило ее до сведения заинтересованных лиц. Ежедневно оно оказывало не менее 12 тыс. услуг представителям делового мира⁴⁷ и находилось в гуще предпринимательской деятельности.

Характерной чертой политики США 20-х годов было дальнейшее распространение государственно-монополистического регулирования на сферу внешней торговли. В рамках уже упомянутого бюро было создано Управление внешней торговли, которое располагало сведениями о всех видах товаров и услуг по каждому региону мира, занималось поисками выгодных рынков для американских товаров, консультировало по вопросам капиталовложений за границей. Защита американских инвесторов стала одной из важных задач госдепартамента, учредившего при посольствах США пост торгового атташе. «Если министерство торговли играло роль информационного центра и аналитического мозга экономической экспансии империализма США, то госдепартамент представлял внешнеполитическую юридическую контору, занятую защитой частных интересов средствами дипломатии». Обращаясь к деловым кругам, помощник госсекретаря У. Кэстл сказал: «Господин Гувер — это ваш финансовый агент, а господин Келлог (госсекретарь США) — ваш адвокат»⁴⁸.

Благодаря правительству резко активизировалась внешнеэкономическая экспансия американского капитала. В стоимостном исчислении вывоз товаров за границу в 1923 г. превысил импорт на

⁴⁵ Nation, 1925, Sept. 23, p. 327.

⁴⁶ Congressional Record, 1930, vol. 72, pt 3, p. 2383.

⁴⁷ Ibid., p. 2381, 2382.

⁴⁸ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке, 1918—1928. М., 1982, с. 15, 16.

375 млн. долл., в 1928 г. эта разница составляла более 1 млрд. долл. Экспорт частных капиталов США за границу в 20-х годах достигал примерно 3 млрд. в год ⁴⁹. Деловые круги высоко ценили деятельность министерства торговли и его главы Гувера. Множество ведомств, занимавшихся делами бизнеса, не смущало промышленников и не казалось им чрезмерным.

Неотъемлемым элементом капиталистической рационализации в 20-х годах была стандартизация промышленности, т. е. введение общеобязательных показателей качества продукции, позволявших унифицировать, упростить, удешевить производство, облегчить меж-производственные связи и процедуру заключения контрактов, обеспечить более быстрый оборот капитала и создать базу для раз-вертывания массового производства. Стандартизация стимулировала научно-исследовательские и конструкторские работы на государст-венном уровне и в частной индустрии, расходы на которые в целом по стране достигли 45 млн. долл. в год ⁵⁰.

Основную тяжесть работы взяло на себя Бюро стандартов ми-нистерства торговли, которое в 20-х годах превратилось в круп-нейшую исследовательскую лабораторию в мире с почти тысячей сотрудников. С целью наиболее полного вовлечения частного секто-ра в эту работу правительство образовало полуофициальную орга-низацию — Американский комитет стандартов в машиностроении, который обеспечивал постоянную кооперацию сотен организаций, представлявших более 400 отраслей промышленности. В комитет входили 6 федеральных министерств, 9 национальных инженерных обществ, 18 национальных промышленных ассоциаций. В комисси-ях комитета были представлены 33 правительственных ведомства, в том числе Бюро стандартов, Бюро по делам шахт, Бюро химии, Служба лесоводства, Общественная служба здравоохранения ⁵¹.

В сравнительно короткий срок правительство, опираясь на под-держку частных организаций, ввело десятки стандартов на выпускае-мую продукцию, начиная со стеклянной посуды (тары), цемента, контейнеров для обеспечения массовых перевозок и кончая продук-цией автомобилестроения, радио- и электротехники. В одной только деревообрабатывающей промышленности было ликвидировано производство 62% видов выпускаемой продукции, как не отвеча-вшей требованиям стандарта ⁵². Вместе с введением потогонной сис-темы тейлоризма эта работа по сути дела означала осуществление коренной реконструкции ведущих отраслей промышленности на базе новой технологии, обеспечившей переход к массовому производству.

В программе экономической рационализации был и социальный аспект. По мысли ее творцов, она должна была обеспечить стабиль-ное развитие экономики, получение высоких прибылей предпринима-телями и рост доходов рабочих и фермеров. Главным звеном, с по-

⁴⁹ Soule G. Op. cit., p. 267, 269.

⁵⁰ Congressional Record, 1930, vol. 72, pt 4, p. 4075; Department of Commerce. Trade Association Activities. Wash., 1927, p. 3.

⁵¹ Department of Commerce. Trade Association Activities, p. 86, 87.

⁵² Congressional Record, 1930, vol. 72, pt 3, p. 2383.

мощью которого Гувер намеревался осуществить рационализацию производства, была, как уже говорилось, капиталистическая корпорация. Через процветание корпорации правительство намеревалось обеспечить процветание каждому индивидууму и всей нации в целом. Рабочему внушалось, что он и предприниматель не антагонисты, а партнеры. Оба они заинтересованы в процветании предприятия: один получает высокие прибыли, второй — приличную зарплату, а забастовки и бойкоты снижают эффективность работы предприятия и от этого страдают оба. Это была проповедь классового сотрудничества, направленная своим острием не только против радикализма и организованного рабочего движения, но и против буржуазного реформизма. В конкретных условиях политической борьбы 20-х годов эта консервативная социальная концепция выдвигалась как альтернатива реформистским требованиям Прогрессивной партии Р. Лафоллетта.

Гувер не был изобретателем этой концепции. В разных вариантах она на протяжении многих лет повторялась на многочисленных съездах и собраниях деловых кругов. Однако на национальном уровне, на уровне федерального правительства эта социальная доктрина консерватизма наиболее четко была сформулирована Гувером. Это он возвел цели и интересы крупного бизнеса в ранг первостепенных национальных интересов. На президентских выборах 1928 г. он провозгласил, что Америка без социальных реформ уже близка к осуществлению заветных чаяний человечества — ликвидации бедности.

Организованный бизнес в лице Торговой палаты США с восторгом воспринял программу рационализации производства силами самого бизнеса при активном сотрудничестве с правительством. Впервые лидеры делового мира так четко и во всеуслышание сформулировали идею о социальной ответственности бизнеса. Торговая палата, заявил ее президент О'Лэри, осуждает порочную деловую практику. Совершенствование бизнеса в интересах общества, саморегулирование с целью предупреждения злоупотреблений, налаживание справедливых отношений с рабочими — все это, говорил он, имеет жизненное значение для бизнеса, если он желает избежать правительственного регулирования и сохранить доверие общества⁵³. Вопрос о саморегулировании стоял в повестке дня многих съездов промышленников. 5 июня 1926 г. этой теме был целиком посвящен специальный выпуск печатного органа Торговой палаты «*Найшнл бизнес*».

В 1924 г. Торговая палата США составила «Кодекс поведения предпринимателей». Она призывала хозяев производства организовать работу таким образом, чтобы лишить аргументов тех, кто требовал установить государственный контроль над разработками запасов угля, нефти, гидроресурсов, лесных богатств⁵⁴. По ее примеру с мая 1924 по август 1926 г. 812 торговых и промышленных

⁵³ Nation's Business, 1926, June 5, p. 14.

⁵⁴ US Chamber of Commerce. Twelfth Annual Meeting, p. 53; Fourteenth Annual Meeting, p. 14.

ассоциаций и более 8 тыс. отдельных бизнесменов ввели в действие аналогичные кодексы. Все эти меры были приняты после скандальных разоблачений в конгрессе взяточничества и коррупции в высших эшелонах власти: махинаций министра внутренних дел Фолла с нефтеносными участками правительственного резерва, жульничества министра юстиции Догерти с иностранной собственностью, казнокрадства в Бюро по делам ветеранов.

Торговая палата в связи с этим выступила со специальным заявлением об ответственности бизнеса перед обществом и осудила тех, кто «погряз в ...коррупции и нанес нечестными и недостойными действиями ущерб репутации бизнеса»⁵⁵. Вместе с Национальной ассоциацией банкиров и другими деловыми группами палата участвовала в проведении конференции, посвященной предупреждению мошеннических операций с ценными бумагами на фондовой бирже⁵⁶. Все эти общие осуждения, как мы увидим ниже, не могли изменить к лучшему общее состояние дел в мире бизнеса.

Важным средством «саморегулирования» стали ежегодные конференции ведущих промышленников, проводимые с 1924 г. Наряду с обсуждавшимися здесь чисто техническими проблемами предметом дискуссии была и социальная политика предпринимателей. На одной из таких конференций в 1928 г. представитель «Стального треста» призывал коллег совершенствовать социальную работу, которая, по его словам, стала важнейшим критерием успеха действующего предприятия⁵⁷. Призывы эти своим острием были направлены против организованного рабочего движения и социальных реформ и получили некоторое распространение в деловых кругах.

Задачу борьбы с профсоюзами и социальным законодательством преследовала и такая мера, как продажа ценных бумаг отдельным рабочим и служащим. Этим обеспечивалось лояльное отношение рабочего к предпринимателю, сокращение текучести рабочей силы, экономия сырья, материалов и электроэнергии. Продажа акций рабочим практически не могла изменить общего положения пролетариата, значительно большую роль она играла как пропагандистское средство, ведущее к расколу рабочего движения.

В целом следует сказать, что социальные меры, проводимые частной индустрией, были весьма ограничены. Этого не скрывали даже официальные исследования. Пенсионные программы частной индустрии, читаем мы в одном из них, охватывали незначительную часть лиц, работавших по найму. Страхование по болезни было sporadическим. Страхование по безработице почти не практиковалось. Добровольное страхование охватывало менее 1% рабочей силы⁵⁸.

Правительство в лице министра торговли Гувера поощряло социальные мероприятия в частной индустрии, осуществляемые в

⁵⁵ Ibid., Sixteenth Annual Meeting, p. 43.

⁵⁶ Ibid., Eighteenth Annual Meeting, p. 16.

⁵⁷ Proceedings of the Conference of Major Industries. N. Y., 1928, p. 30, 31.

⁵⁸ Recent Social Trends..., vol. 2, p. 846.

рамках общей программы «рационализации индустрии». Несмотря на скромный и ограниченный характер проводимых мер, правительству удалось значительной части населения, в том числе и рабочим, навязать идеологию классового партнерства. На это «работал» и экономический подъем, продолжавшийся до конца десятилетия. Некоторое повышение жизненного уровня рабочих ослабило стачечное движение. Все эти меры вместе с жесточайшими репрессиями предыдущих лет ослабили прогрессистский импульс и позволили республиканцам одержать решающие победы на выборах 1924 и 1928 гг.

Давая оценку в целом деятельности республиканских администраций в 20-х годах, следует отметить, что «ассоциированные действия» правительства и бизнеса, неустанно впредраемые Гувером, оказались наиболее приемлемой для промышленников формой государственно-монополистического регулирования. Это был новый и на этот раз успешный поворот к доктрине «централизма», которая в прошлом неоднократно отвергалась правящим классом. Идеи централизма в эти годы нашли отражение в общей тенденции развития власти в центре и на местах, в перемещении полномочий и ответственности от местных органов управления к правительствам штатов, от правительств штатов — к федеральным органам.

Начиная с 1911 г. правительство США стало практиковать вмешательство в дела штатов в форме целенаправленной помощи, позволявшей федеральному правительству и конгрессу форсировать деятельность властей штатов в нужном для Вашингтона направлении. С помощью таких мер оно стимулировало дорожное строительство, развитие кооперативного движения среди фермеров, профессиональное образование, профессиональную переподготовку, действия в пользу материнства и младенчества. В целом с 1919 по 1927 г. федеральная помощь штатам возросла с 17,8 млн. до 163,5 млн. долл.⁵⁹

Несмотря на то что общий политический курс правительства был сугубо консервативным, федеральным властям не удалось избежать обвинений в узурпации прав штатов и навязывании им дорогостоящих программ.

Одним из объектов наиболее быстро растущих правительственных вложений в 20-х годах было дорожное строительство. Торговая палата на своих съездах постоянно поддерживала действия федеральных властей в этой сфере и требовала еще большей их активизации. В 1926 г. она приняла резолюцию о строительстве трансконтинентальной шоссейной дороги, соединяющей оба континента Нового Света, и высказалась за проведение по этому вопросу конференции заинтересованных стран. Торговая палата, болезненно реагировавшая на повышение или введение новых налогов, на этот раз выступила в пользу принятия специального налога для покрытия расходов на дорожное строительство⁶⁰.

⁵⁹ Nation's Business, 1926, Mar. 26, p. 23; Recent Social Trends..., vol. 2, p. 1396.

⁶⁰ US Chamber of Commerce. Twelfth Annual Meeting, p. 48; Sixteenth An-

Неудивительно, что в 20-х годах ассигнования на эти цели росли подобно снежной лавине. В 1916 г. конгресс принял первый закон о федеральной помощи дорожному строительству, выделив на это 5 млн. долл. К концу 1925/26 финансового года эти расходы в целом достигли 615 млн. долл.⁶¹ Всего же с 1921 по 1932 г. на дорожное строительство из местных и федеральных источников была израсходована гигантская сумма — 14 920 млн. долл.⁶²

Сферой постоянной опеки федеральных властей был торговый флот США. В предвоенные годы правительство наряду с железнодорожным транспортом установило свой непосредственный контроль над частным торговым флотом и судоверфями. Обусловлено это было подготовкой США к вступлению в мировую войну. В судостроение и развитие торгового судоходства были вложены огромные средства. Учрежденные правительством Управление торгового флота и государственная судостроительная корпорация проделали значительную работу по реконструкции всей отрасли. В военные годы было построено около 2 тыс. новых судов водоизмещением в 15 млн. т.⁶³

По закону 1920 г. большая часть флота, построенного за счет федеральных средств, должна была перейти по бросовым ценам в частные руки. Так, 321 судно, обошедшееся правительству в 408 млн. долл., было продано за 44 млн., причем до октября 1929 г. за них было уплачено лишь 15,4 млн.⁶⁴ Всего с 1 июля 1925 г. и до конца 1929 г. управление продало 743 судна за 66 млн. долл.⁶⁵

Вместе с тем конгресс и правительство сохранили Управление торгового флота и судостроительную корпорацию, которые и в мирных условиях должны были заниматься модернизацией флота. Кроме того, на них возлагалась ответственность по дальнейшему развитию американского торгового судоходства, по освоению новых пароходных линий, связывающих США с международными рынками, с последующей передачей опробованных направлений в частные руки⁶⁶. Такая политика соответствовала требованиям деловых кругов. На созванной Торговой палатой в ноябре 1925 г. конференции по торговому флоту и морскому судоходству ее участники настаивали на продолжении политики крупных правительственных капиталовложений в развитие частного флота. Государство, говорило на конференции, должно взять на себя риск и помочь частному флоту успешно конкурировать на морских и океанских коммуникациях⁶⁷.

nual Meeting, p. 11; Seventeenth Annual Meeting, p. 52, 53, 70, 71; Nation's Business, 1926, June 5, p. 36.

⁶¹ Nation's Business, 1926, Jan., p. 56.

⁶² The American Individual Enterprise System. Its Nature, Evolution and Future: Vol. 1, 2. N. Y.; L., 1946, vol. 2, p. 551.

⁶³ Shannon D. A. Op. cit., p. 20.

⁶⁴ The Literary Digest, 1929, Oct. 19, p. 9, 10.

⁶⁵ Congressional Record, 1930, vol. 72, pt 4, p. 3609.

⁶⁶ Ibid., pt 3, p. 2476.

⁶⁷ US Chamber of Commerce. Fourteenth Annual Meeting, p. 25–29; Nation's Business, 1926, Jan., p. 54.

В течение 20-х годов усилиями управления американский флаг был утверждён на всех океанах, дискриминационные барьеры в мировой торговле в отношении портов США были преодолены, американской продукции были широко распахнуты двери на мировые рынки. На основе закона 1920 г. учреждался фонд в 25 млн. долл. для предоставления займов частным судостроительным компаниям на самых льготных условиях. В 1927 г. его размер был увеличен до 125 млн., в 1928 г. — до 250 млн. долл.⁶⁸

Государственное регулирование в годы «просперити» затронуло ещё несколько сфер американской жизни. В связи с прогрессом в воздухоплавании и перспективой использования авиации в коммерческой практике деловые круги высказались за выделение федеральных средств на строительство аэропортов и развитие национальной системы воздушного сообщения. В результате при министерстве торговли возникло новое подразделение — Бюро по делам гражданской авиации. В феврале 1927 г. появилось ещё одно федеральное ведомство — Комиссия по делам радиовещания, обязанность которой состояла в выдаче лицензий на право радиопередач, определении частоты радиоволн, времени выхода в эфир, длительности передач. В стране проводился и ряд других мер, свидетельствовавших об активизации роли государства в экономике и об усложнении механизма связи между правительством и крупными корпорациями^{68a}.

Республиканские правительства 20-х годов были безусловными противниками государственной собственности, которая выступала бы конкурентом частного предпринимательства. В течение всего десятилетия они блокировали предложения прогрессистов в конгрессе о строительстве государственных электростанций на реках Теннесси и Колорадо и предприятий по производству минеральных удобрений. Однако они не ликвидировали ни одной из таких корпораций, доставшихся им от предыдущих администраций. Созданная в 1912 г. федеральная почтово-посылочная служба продолжала функционировать и в 20-х годах рядом с частными транспортными конторами, занимавшимися этими же операциями. Так же обстояло дело с государственными почтово-сберегательными кассами, конкурировавшими с частными сберегательными банками. Больше того, в 1924 г. правительство учредило под эгидой военного министерства Корпорацию по освоению внутренних водных путей сообщения, которая организовала новые линии связи на реках и озерах США. Сюда же следует отнести и почтовое ведомство, находившееся в руках государства, и некоторые другие федеральные службы.

Все это вызывало недовольство в деловых кругах и было камнем преткновения в их отношениях с правительством. Самое боль-

⁶⁸ Business and Government/Ed. by C. C. Pohlring and a. o. Brooklyn, 1949, p. 344, 345.

^{68a} Наиболее важной из этих мер было совершенствование механизма заключения государственных контрактов с частными фирмами. См.: Федорович В. А. Американский капитализм и государственное хозяйство. М., 1979.

шое возмущение, однако, было вызвано созданием летом 1929 г. федерального фермерского совета в целях повышения цен на сельскохозяйственную продукцию путем правительственных закупок ее излишков. Начавшийся мировой экономический кризис не охладил негодования предпринимателей, и в 1932 г. они настояли на проведении расследования правительственной конкуренции с частным бизнесом.

Ведущие промышленные группы — НАП, Торговая палата США и Федерация американского бизнеса — утверждали, что государство проявляет тенденцию к узурпации функций бизнеса. Комиссия палаты представителей, расследовавшая правительственную конкуренцию с частным предпринимательством, рекомендовала конгрессу распустить «Панама рейлроуд К°», Корпорацию по судоходству на внутренних водах и некоторые предприятия, принадлежавшие военным ведомствам; ограничить деятельность «Гавермент принтинг оффис», почтового ведомства, Бюро по делам ветеранов и некоторых других правительственных агентств, конкурировавших с частным бизнесом⁶⁹.

Вряд ли можно согласиться с упреками тех, кто обвинял правительство в пренебрежении к интересам деловых кругов. Однако в силу объективных обстоятельств федеральный аппарат в период руководства республиканцев еще более разбух, сфера вмешательства его в социально-экономические отношения возросла, и это обстоятельство привело к столкновению с деловыми кругами.

С 1915 г. и до конца 20-х годов число федеральных ведомств в гражданском управлении удвоилось. Если на 30 июня 1913 г. в США было 6 главных комиссий и несколько второстепенных, а накануне вступления США в войну — 16, то в годы войны их стало 21. С окончанием войны ряд комиссий, имевших непосредственное отношение к военному регулированию, был распущен. Однако к 1926 г. общее число независимых бюро и комиссий возросло до 34. Хотя число министерств осталось прежним — 10, их аппарат, как и аппарат Белого дома и конгресса, также значительно возрос⁷⁰. Примерно 1/3 административных обязанностей, выполняемых правительством в конце 20-х годов, не была известна до 1915 г. Возможно, половина административных обязанностей правительства приходилась на осуществление новых функций государственного управления. Все это не могло не отразиться на росте управленческого аппарата, численность которого в 1913—1927 гг. увеличилась с 1870 тыс. до 2819 тыс., а федеральные расходы за это время возросли с 719,2 млн. до 1635 млн. долл. (в ценах 1915 г.)⁷¹.

Возникновение новых и расширение старых функций правительства, рост федеральной бюрократии и расходов — все это ассоциировалось в деловых кругах с «большим правительством». И хотя пра-

⁶⁹ Government Competition with Private Enterprise. Report of the Special Committee... Wash., 1933, p. 10, 11, 17, 21—24.

⁷⁰ Nation's Business, 1926, Aug., p. 17; 1927, Apr., p. 18, 19.

⁷¹ Recent Social Trends..., vol. 2, p. 1287, 1324, 1328, 1348.

вящий класс был в первую очередь ответствен за рост государственного бюджета, это не мешало ему в течение всего десятилетия лицемерно призывать к снижению государственных расходов и ограничению полномочий правительства.

Политика государственного регулирования республиканцев, осуществлявшаяся в основном в рамках капиталистической рационализации, в социальной сфере не достигла поставленных задач. Разрыв между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию гигантски возрос. В то время как доходы промышленников круто шли вверх, фермеры все больше не добирали из того, что имели раньше. В годы «просперити» рост прибылей и цен намного обогнал рост реальных заработков рабочих. Кодексы «деловой этики» не мешали предпринимателям в отдельных отраслях промышленности даже снижать зарплату. В состоянии кризиса в течение всего десятилетия находилось сельское хозяйство, большие трудности испытывали отдельные отрасли добывающей промышленности, текстильное производство. Рационализация производства решила ряд технических проблем, но углубила социальные противоречия, увеличила разрыв между покупательными возможностями населения и производимой массой промышленных товаров. В разгар «просперити» в стране насчитывалось несколько миллионов безработных.

Нельзя сказать, что лидеры делового мира или по меньшей мере некоторые из них не осознавали того факта, что «процветание» страны покоилось на нездоровой основе. Президент НАП Дж. Э. Эдгертон, например, указывал, что страна ежегодно производила на 15–20% больше товаров, чем могла потребить. Добровольное сокращение производства могло бы предотвратить государственное вторжение в экономику. Но в человеческой природе, как он выразился, вероятно, «слишком много свинства», чтобы промышленники могли добровольно отказаться от временных преимуществ экономического бума. Так сам бизнес, вынужден был признать Эдгертон, делал неизбежным вмешательство правительства в свои дела⁷².

Слова президента НАП можно рассматривать как признание краха проводимого правительством курса. Всесторонняя помощь бизнесу, создание максимально благоприятных условий для его успешного развития не обеспечили процветания всего общества. Надежды на сознательность промышленника, на его просвещенный ум оказались чистойшей иллюзией. Предпринимательская горячка, которой в немалой степени содействовало само же правительство, захлестнула правящий класс. Маховик капиталистического производства работал уже «вразнос», и никакие кодексы «деловой этики» на него не действовали. Необузданная стихия наживы без труда одержала верх над моральными соображениями справедливости. Не внимая каким-либо предостережениям, бизнес быстро шел и тянул за собой всю страну к экономической катастрофе.

⁷² Highlights in an Address by John E. Edgerton... at the 33rd Annual Meeting of the NAM... Oct. 24, 1928. N. Y., 1928, p. 8.

С приходом к власти республиканцев в начале 20-х годов консерватизм стал преобладающим политическим течением в американском обществе. Его теоретической основой, выражавшей общую позицию правящего класса, оставалась идеология невмешательства. Однако политика республиканцев и повседневная практика бизнеса исходили из принципов, которые по ряду важнейших положений расходились с доктриной *laissez faire*. Единственное, в чем консерваторы остались до конца верными ей, заключалось в решительном сопротивлении социальным реформам и неуголному для них государственному вмешательству в социально-экономические отношения. Из сказанного следует, что консервативная политика правительств Гардинга, Кулиджа и Гувера не отражала принципов «твердого индивидуализма», который, как известно, представляет собой наиболее последовательное выражение принципа невмешательства. В изучаемый период консерваторы-республиканцы немало сделали для дальнейшего развития ГМК в США. Правительство и правящий класс с самого начала были активными поборниками использования государственного аппарата в интересах монополий.

Государственно-монополистическое регулирование 20-х годов представляло собой не что иное, как консервативную модель ГМК, отличавшуюся своими специфическими чертами. Прежде всего она зиждилась не столько на ограничениях предпринимательской деятельности, сколько на помощи бизнесу. Консервативные республиканцы пытались решать вставшие перед страной проблемы, не прибегая к использованию реформистских средств. Следует подчеркнуть, что они воздействовали на процесс капиталистического воспроизводства и стимулировали развитие частной индустрии более энергично, чем это было в любое другое время до войны. В таких же сферах, как укрупнение производства, стандартизация и стимулирование новых отраслей промышленности, дорожное строительство и развитие средств связи, поиски внешних рынков и сфер приложения капитала, масштабы государственного вмешательства были даже более значительными, чем в годы мировой войны.

Следствием и одновременно важнейшим фактором развития ГМК в США в 20-х годах было значительное расширение старых и возникновение новых функций государственной власти, усложнение связей правительственного аппарата с корпорациями. Однако в целом государственно-монополистическое регулирование, отвечавшее консервативным устремлениям правящего класса, оказалось совершенно недостаточным, чтобы преодолеть стихию частнособственнического производства и предотвратить наступление глубочайшего экономического кризиса.